

Глава 4. Белые трусы с розой

Усилия не прошли даром.

Глядя на стены, сплошь увешанные полотнами, Янь Шань мгновенно забыл о мучительном беге. Он едва сдерживал слёзы от нахлынувших чувств.

Он вдруг осознал: решение Лу Цунбая принуждать его к ежедневным тренировкам было поистине мудрым. Иначе он бы просто не успел.

Янь Шань растроганно смахнул слезинку и вздохнул:

— Как же хорошо... Я и не надеялся, что мы успеем всё посмотреть за один вечер. Думал, будет уже поздно.

Лу Цунбай подошёл ближе.

— Главное, что ты доволен. Хотя, признаться, я не совсем понимаю посыл этого художника.

Господин Лу честно пытался приобщиться к высокому искусству вслед за любимым. Указав на одну из картин, он спросил:

— Вот это... Это ведь унитаз, верно? Какое-то модное сатирическое направление?

— Нет, — отозвался Янь Шань. — Это человеческое лицо.

Лу Цунбай:

—...

Янь Шань сочувственно похлопал его по плечу:

— Ничего страшного. Доля сходства определённо есть.

Авангард всегда ставит в тупик, но при должном усердии в нём можно разглядеть смысл.

Заметив, что Янь Шань замер перед «лицом-унитазом» с таким видом, будто готов созерцать его до скончания веков, Лу Цунбай незаметно запомнил номер лота. Он решил завтра же поручить секретарю выкупить эту картину вместе с несколькими соседними.

Раз уж Янь Шаню нравится — пусть висят дома.

Наконец осмотр был окончен.

Они неспешно направились к выходу. Янь Шань заметил, как охранник за их спинами начал гасить свет в залах — один за другим, словно провожая почётных гостей.

— Как удачно мы подгадали, — улыбнулся он Лу Цунбаю. — Только досмотрели, и музей закрывается. Который час?

Лу Цунбай глянул на наручные часы:

— Час ночи.

—... Быть не может, — Янь Шань перехватил его руку и убедился сам. Действительно, стрелки перевалили за час.

— Мы пробыли здесь четыре с половиной часа?! — ахнул он.

Они уже подошли к дверям. Тот самый охранник, что проверял билеты на входе, всё ещё стоял на посту. Теперь он смотрел с явным почтением.

— Господин Лу, учитель Янь, надеюсь, вы приятно провели время.

Лу Цунбай коротко кивнул и молча вывел Янь Шаня из здания.

Они присели на край каменной клумбы в ожидании машины. Некоторое время Янь Шань молчал, а затем тихо спросил:

— А-Цэ, ты задействовал свои связи?

Иначе как объяснить, что при официальном закрытии в десять вечера их оставили в залах до часу ночи? Это же фактически индивидуальное обслуживание.

— Совсем немного, — признался Лу Цунбай. — Владелец галереи сотрудничает с одной из моих компаний, я лишь попросил его об услуге.

«Совсем немного», как же.

Янь Шань догадывался, что под «сотрудничеством» скрывалось прямое финансирование со стороны дочернего предприятия Лу Цунбая. Этот художник — фигура специфическая, работает на узкую аудиторию, и проведение его выставки вряд ли сулило организаторам большую прибыль. Так почему они так старались? Ответ лежал на поверхности.

Ночная площадь погрузилась в тишину.

Аромат цветов с клумбы, смешанный с ночной влагой, возвращал мыслям ясность. Какое-то время они сидели молча, наслаждаясь покоем.

— Малыш, — первым заговорил Лу Цунбай. — Что у тебя сегодня произошло?

Янь Шань помедлил, решив пока не упоминать о найденной «улике».

— Ничего, — ответил он, отведя взгляд.

— Кого ты пытаешься обмануть? — мягко спросил Лу Цунбай.

Янь Шань лишь тихо вздохнул.

Он мог пытаться лгать самому себе, мог притворяться, что всё в порядке, но скрыть правду от А-Цэ было невозможно. Тот замечал малейшие перемены в его состоянии и знал его, пожалуй, лучше, чем он сам.

Лу Цунбай поднялся, подошёл к Янь Шаню и опустился перед ним на корточки. Заглянув ему в глаза, он спросил:

— Ты помнишь, что делал сегодня вечером?

— Мы... мы смотрели картины... — неуверенно пробормотал Янь Шань.

— А до этого? Ты ведь звонил Пэй-пэю. Зачем? Что ты просил его сделать? Помнишь?

— Сделать...

Янь Шань растерялся. Он искренне пытался вспомнить, напрягал память, но наткнулся лишь на глухую белую пустоту.

Нить памяти обрывалась на моменте перед уходом из дома. Он смутно помнил странные белые трусы и нахлынувший на него ужас. Следующее чёткое воспоминание — он уже в галерее.

Янь Шань осознал произошедшее и виновато опустил голову.

— А-Цэ... я снова что-то натворил, да? — прошептал он.

Лу Цунбай не ответил прямо. Он лишь мягко взял его за руку.

— Ничего страшного. Ты ничего не сделал.

Янь Шань незаметно выдохнул:

— Вот и хорошо.

Разговор зашёл в тупик. Снова воцарилась тишина.

Ладонь Лу Цунбая была тёплой, почти горячей. Ощущая это тепло, Янь Шань постепенно набирался смелости.

«Стоит ли спросить прямо? — подумал он. — В конце концов, А-Цэ мне не чужой человек, мне нечего бояться».

Набравшись духу, он посмотрел мужу в глаза:

— А-Цэ, я хочу кое-что спросить.

— Спрашивай.

— Сегодня... когда я стирал вещи, я нашёл... кое-что чужое.

Слово «труссы» застряло в горле — слишком неловко и стыдно было произносить такое вслух.

Лу Цунбай на мгновение задумался.

— Документы из компании?

Янь Шань замахал руками:

— Нет, нет... Другое... Ай, ладно. — Он глубоко вздохнул и выпалил: — Просто скажи: ты мне изменяешь?

Лу Цунбай замер.

— Размечтался.

— А? Что ты имеешь в виду?

— Много хочешь, — отрезал Лу.

Господин Лу редко бывал столь резким. В последние годы его характер смягчился, он перестал сыпать колкостями по любому поводу.

Янь Шаню стало невыносимо неловко. К стыду примешалось чувство вины.

Учитывая болезненное состояние супруга, Лу Цунбай решил простить ему этот «забег по минному полю».

— И с чего у тебя возникли подобные иллюзии? — великодушно поинтересовался он.

Янь Шань так и не смог заставить себя произнести это вслух. Помучившись немного, он лишь махнул рукой:

— Проехали. Давай просто поедem домой.

Семейные дела лучше обсуждать за закрытыми дверями.

Домой они вернулись в два часа ночи.

Едва распахнулась дверь, как им навстречу, виляя хвостом, поднялся Медвежонок Бобо. Пёс сидел посреди настоящего погрома и заспанно шурился.

Янь Шань смутился.

— Кажется, перед уходом я немного... запаниковал.

Дверца винного шкафа была распахнута, на полу — груда осколков от разбитых бутылок. Журнальный столик сдвинут, ваза опрокинута, и увядшие цветы сиротливо свисали с края столешницы. Гостиная напоминала поле боя.

Лу Цунбай лишь мельком оглядел руины своего дома. Его это совершенно не заботило.

— Где та самая «чужая вещь», о которой ты говорил? — спросил он.

Янь Шань провёл его в прачечную.

На раковине всё ещё стоял таз с замоченным бельём. Он не решился подойти ближе и лишь опасливо указал на него пальцем, будто там притаилось чудовище.

Лу Цунбай опустил руку в воду, пошарил там и через секунду извлёк на свет то, что Янь Шань счёл «странным».

Он выжал белые боксёры и развернул их к мужу:

— Ты про это?

Янь Шань промолчал.

Он смотрел на Лу Цунбая, мучительно ожидая объяснений. Ему жизненно необходимо было понять, откуда взялось это вульгарное бельё.

Однако выражение его лица стало на редкость странным. Недоверие сменилось удивлением, затем грустью, пока он не застыл в сложной гримасе.

Янь Шань уже открыл рот, чтобы начать допрос, но Лу опередил его:

— Ты совсем их не помнишь?

Янь Шань опешил:

— Что?

— Этот цветок... ты сам его нарисовал. Разве он не кажется тебе знакомым? — Лу указал на розу. — Из-за них мы когда-то даже подрались.

— Чушь какая, — испугался Янь Шань. — У меня бы рука не поднялась тебя ударить.

— Это было в первом полугодии десятого класса, сразу после разделения на классы. Попробуй вспомнить получше.

Он говорил искренне и смотрел с надеждой.

Янь Шань честно попытался. Он не хотел разочаровывать А-Цэ и изо всех сил копался в памяти, выживая обрывки прошлого. Но там было пусто.

— Ты тогда жил один, искал жильё. Я сдал тебе комнату на верхнем этаже, а потом... — Янь Шань запнулся, неуверенно продолжив: — Потом мы поступили в университет и заперли те две комнаты под крышей.

— А что было между этими событиями? — спросил Лу Цунбай. — Помнишь, что происходило в тех комнатах?

Янь Шань покачал головой.

Он поднял взгляд и успел заметить на лице мужа мимолётную тень разочарования. Сердце сжалось от жалости.

— А-Цэ, прости... я совсем ничего не помню.

Лу Цунбай быстро взял себя в руки.

— Не извиняйся, малыш. Всё в порядке. Врач предупреждал, что забывчивость после приёма лекарств — это нормально.

Янь Шань понурился.

— Но раньше такого не было. У меня была отличная память, «фотографическая»! Один раз посмотрел — и страница учебника в голове.

Лу Цунбай взял его за руку и увёл обратно в гостиную, на диван. Заодно прихватил пакет с новыми белыми трусами и положил рядом. Завернув Янь Шаня в плед, словно в кокон, он притянул его к себе и мягко заговорил:

— Раз ты забыл, ничего страшного. Я буду рассказывать тебе об этом снова и снова, пока ты не вспомнишь.

Янь Шань, как большой ребёнок, уткнулся носом ему в шею, устраиваясь поудобнее.

— Давай, рассказывай. Я готов.

Лу Цунбай негромко рассмеялся.

— И с чего же начать... Пожалуй, с тех самых трусов.

Янь Шань энергично закивал.

— В десятом классе я снимал у тебя комнату на чердаке. Наверху был всего один балкон, так что мы сушили вещи вместе. Иногда даже путали школьную форму. — Лу Цунбай смущённо улыбнулся. — Ты ведь знаешь, в школе я был беден. Приходилось экономить, и я покупал в супермаркете самые дешёвые белые трусы — упаковками по десять штук. А ты тогда пытался наладить какой-то бизнес: набрал на рынке кучу белых вещей и тренировался на них, расписывая акварелью. Среди твоих заготовок тоже были белые боксёры. И вот однажды ты всё это постирал и вывесил на балкон...

Янь Шань уже догадался, к чему клонит рассказчик. Он весело приподнял бровь:

— Неужели я их перепутал?

— Именно. Мало того, ты ещё и на моих нарисовал вот это, — Лу указал на розу.

Янь Шань готов был стореть со стыда. Какая нелепость!

Он смутно помнил, что в те годы их отношения с Лу Цунбаем были далеки от идеала — они вечно цапались и раздражали друг друга одним своим видом. К тому же Лу всегда был чистюлей и терпеть не мог, когда трогали его вещи.

— Я тогда взбесился, — припомнил Лу Цунбай. — Схватил тебя за воротник, хотел всыпать...

Янь Шань не помнил своей реакции, но, судя по всему, в той драке победителей не оказалось. Он рассмеялся, закрывая лицо руками.

Лу Цунбай ласково взъерошил его спутанные волосы.

— Смейся-смейся, а ведь это была твоя вина. Вечно ты тогда искал приключений на свою голову.

Вдоволь насмеявшись, Янь Шань обессиленно откинулся на плечо мужа.

— Ладно, а с этими-то что делать? Я уж решил, что это подарок от любовника.

— Нет никакого любовника. Те старые трусы я больше не надевал, но и выбросить не решился. Всё-таки роза получилась красивой, вот я их и припрятал. А недавно разбирал кладовку и наткнулся на них. Нахлынула ностальгия по тем глупым временам... Но старое бельё хранить

нельзя, оно превратилось в труху. Поэтому я нашёл фабрику и заказал им партию точно таких же. Из лучшего хлопка, чтобы хранились долго. И розу попросил воссоздать в точности.

Янь Шань снова прыснул:

— Ну и зачем? Мог бы просто попросить меня или любого художника перерисовать её на память.

— Нет, — упрямо возразил Лу. — Мне нужны были именно оригинальные. Чтобы всё было как тогда. Но на фабрике не шьют по одной штуке, пришлось забрать целую упаковку.

История из прошлого даже сейчас казалась запредельно неловкой. Кто бы мог подумать, что суровый господин Лу, дорожа воспоминаниями о юности, пойдёт на такой шаг — закажет копии своих старых дырявых трусов.

Янь Шань представил, как Лу Цунбай в безупречном деловом костюме заявляется на подконтрольную фабрику, достаёт из пакета ветхое бельё и холодно велит директору сделать «такие же», под страхом смерти запретив болтать об этом.

От этой картины его снова разобрал смех.

— Ох, я сейчас умру...

Лу Цунбай наконец расслабился.

— Ну теперь-то веришь? Нет никого, это всё одно большое недоразумение. Если всё ещё сомневаешься, могу взять тебя с собой в компанию.

Янь Шань редко бывал у мужа на работе, а если и заходил, то ждал в VIP-зале. Но он слышал, что Лу Цунбай недавно переехал в новый кабинет с личной комнатой отдыха. Любопытство взяло верх.

— А можно мне в твой новый кабинет? Я просто посижу рядом, не буду мешать.

Лу Цунбай, разумеется, согласился, но уточнил, что секретарю нужно согласовать время, чтобы не попасть на важные совещания. Придётся подождать пару дней.

— А-Цэ, — хитро прищурился Янь Шань, — ты небось хочешь успеть спрятать все улики?

Лу Цунбай легонько щёлкнул его по носу:

— Глупыш.

Ночь была на исходе, обоим завтра предстоял рабочий день. Лу Цунбай отправил мужа в душ.

В огромном особняке наконец погас свет. Следы погрома остались лежать в гостиной — завтра их уберёт прислуга.

Перед самым сном Янь Шань, полный предвкушения, снова спросил:

— А-Цэ, так когда мы поедем в компанию?

— Через два дня, — пообещал Лу Цунбай. — Дай мне подготовиться. В кабинете ещё не закончили с отделкой, не хочу, чтобы ты видел этот беспорядок.

— К чему такие церемонии, я ведь свой человек, — пробормотал Янь Шань, ворочаясь под одеялом.

Наконец он нашёл удобную позу, пристроившись на животе и наполовину навалившись на Лу Цунбая. Приподнявшись, он быстро поцеловал мужа в уголок губ и тут же спрятался обратно под одеяло.

Лу Цунбай ласково погладил его по спине.

— А-Цэ, спокойной ночи, — сонно пробормотал Янь Шань.

— Спокойной ночи, малыш.

<http://bllate.org/book/17575/1708563>